

А. Турботов

Детская школа

роман

18+

ИЛИ
ИСПОВЕДЬ
УБИЙЦЫ?

Алексей Гурбатов

Детская шалость. Роман

«Издательские решения»

Гурбатов А.

Детская шалость. Роман / А. Гурбатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832043-9

«Детская шалость» — это роман предостережение. Роман-провокация! Автор предлагает читателю самому сделать выбор, кем является главный герой книги Евгений Пересвистунов — жертвой «детских шалостей», о которых он и рассказывает, находясь в тюрьме, или безжалостным убийцей. И, действительно, выбор за нами!

ISBN 978-5-44-832043-9

© Гурбатов А.
© Издательские решения

Содержание

Выражение благодарности	6
Роман не оставит равнодушным	7
От автора	8
Шалость первая	9
Шалость вторая	15
Шалость третья	20
Шалость четвертая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Детская шалость

Роман

Алексей Гурбатов

Дизайнер обложки Михаил Кандалинцев

Корректор Алла Борисова

© Алексей Гурбатов, 2018

© Михаил Кандалинцев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-2043-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выражение благодарности

Благодарю свою маму, Гурбатову Валентину Семёновну (27.04.1938 – 11.11.2018 гг.) за помощь в создании книги. Без твоей поддержки, родная, у меня бы ничего не получилось. Спи спокойно. Пусть земля тебе будет пухом!

Также, выражаю искренние слова благодарности Волосуновой Любови Николаевне (г. Курск), Брежневой Елене Михайловне (с. Каменка, Обоянского р-на, Курской обл.) и моему другу, Михаилу Кандалицеву (г. Гай, Оренбургской обл.) за неоценимый вклад в моё творчество.

С теплом, Алексей Гурбатов

Роман не оставит равнодушным

В основу романа легла идея, которую автор вывел в название своего произведения. #

Нам описали судьбу человека, прожившего непростую жизнь, сделавшего немало ошибок и в конце жизни расплачивающегося за свои «шалости». Герой произведения, начиная с детских лет, совершает жестокие, вокационные и порой подлые поступки. До поры до времени они сходят ему с рук, остаются безнаказанными. Но читатель понимает, что час расплаты должен настать. Линию связи с этим автор проводит через все свое повествование. #

Размышляя о книге в целом, хочу отметить, что автор подводит нас к мысли о целесообразности всего происходящего в этом мире. Всё имеет смысл. Гибель, страдания, несчастия только на первый взгляд кажутся необъяснимыми. Неожиданные повороты жизни при ближайшем рассмотрении открываются не как бесполезные. День и ночь, радость и горе, достижения и падения, жизнь и смерть – всегда учат. Во всем есть своя логика, свой смысл. #

К художественным находкам, удачам автора, несомненно, можно отнести предельную искренность повествования, желание «оголить» душу героя, «вывернуться» перед нами наизнанку. Логично выписан конец истории. Перед нами преступник, но нам искренне жаль его, мы сочувствуем ему от души. Это еще раз подтверждает истину: не бывает просто плохих или просто хороших людей. Человек – это очень сложный мир. #

Относиться к произведению можно по-разному. Кто-то будет недоумевать над приключениями героев, кто-то раздражаться, кого-то сюжет может огорчить, кому-то он покажется простоватым. Но вот равнодушными – эта история вряд ли кого оставит. #

Книга будет весьма полезной молодым людям, только начинающим жить. Эта история – предостережение. За все в жизни нужно платить! При внешней простоте повествования в книге есть свои психологические тонкости. Мы чувствуем, как страдает герой. Мы понимаем, что он давно себя наказал и спросил с себя по полной строгости. Жить дальше – смысла нет. Нет мотивации. Значит, остается ужасный конец. Но он для него лучше, чем ужас без конца. #

Алла Борисова, филолог

От автора

Все события в повести являются вымышленными, а любые совпадения случайными.

У меня юбилей – полвека прожил!

Гостей приглашу немного – только самых близких. Нет, не из-за того, что я не нашёл друзей, или мне жаль средств на гуляния с русским размахом, а лишь по причине моих мизерных нынешних апартаментов, которые, к сожалению, я не смогу поменять на более лучшие до конца своих дней.

Так уж сложилась судьба, но остаток лет я проведу в камере для людей, приговорённых к пожизненному сроку заключения. Хотя людьми здесь содержащихся – педофилов, маньяков-насильников, серийных убийц, террористов можно назвать едва ли.

Как же я – инженер-технолог, окончивший Московскую лесотехническую академию, мог оказаться среди этих нелюдей?

Я часто задавал себе этот вопрос, но ответ, как не странно, нашёл именно сегодня.

Я – заключённый с табельным номером ноль два тринадцать.

У меня перед входом в камеру, с левой стороны (для удобства ознакомления с содержащимся за тяжёлой металлической дверью) висит табличка-бирка с цветной фотографией.

На фото мне сорок три (день прибытия сюда).

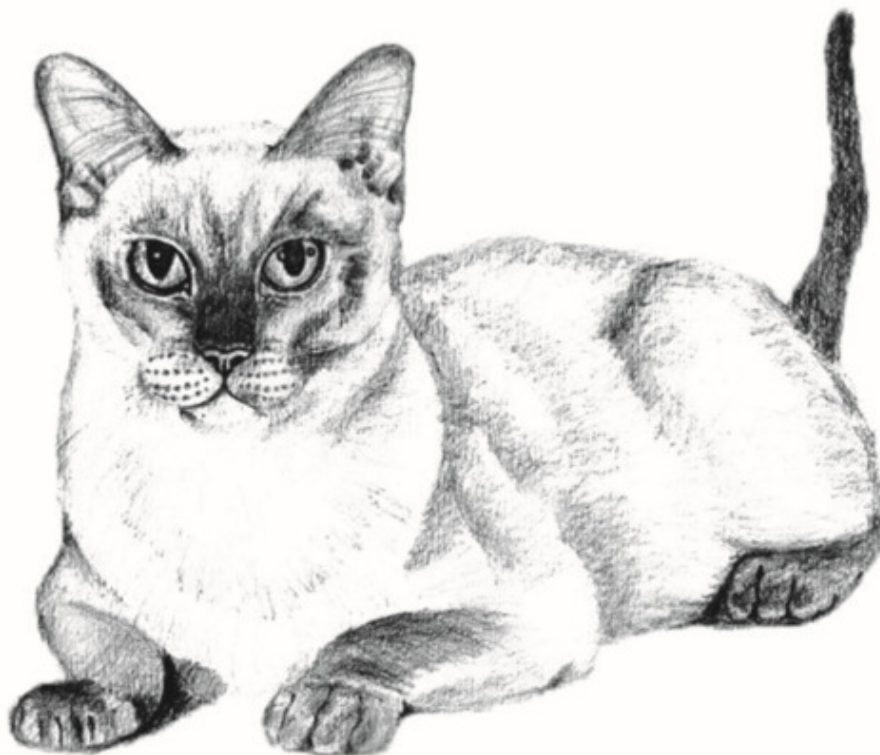
На снимке я весьма неплохо выгляжу (ещё нет этой ужасной огромной проплешины на самой верхушке головы, практически, нет седины, лишь на висках немного; широкий лоб ещё без шрама (результат неудачной попытки суицида – хотел голову разбить о бетонную стену), огромные карие глаза ещё не кажутся жалкими; обычный средний нос ещё не был таким острым, как сейчас, а тонкие губы совсем не тряслись).

Там же, на прикамерной бирке, указана моя весёлая фамилия – Пересвистунов. Имя – Евгений. Отчество – Андреевич. Дата рождения – 29 мая 1962 год. Номера трёх уголовных статей.

А в графе «срок заключения» пугающая надпись – «пожизненно».

За семь долгих лет пребывания в этих стенах я не раз анализировал прожитые годы и пришёл к выводу, что оказался в тюрьме из-за детской шалости, такой же, по сути, которые шли со мной рядом по жизни и являлись неотъемлемой частью меня.

Шалость первая

Мне было пять лет.

Страна отмечала пятидесятую годовщину Октябрьской революции.

После демонстрации я, папа и мама, уставшие, пришли домой, где нас дожидалась нарядно одетая бабушка – папина мама.

Вчетвером мы пообедали жиденьким супчиком, и я был уложен спать. А родители стали суетливо готовиться к вечернему застолью.

Мы тогда жили в Ленинграде на Садовой улице, рядом с Покровским садом, и к девятнадцати часам в нашу небольшую, разделённую фанерной перегородкой надвое комнату в коммунальной квартире, стали собираться гости...

Мне и по сей день неизвестно, где и кем работали мои родители. Единственное, я знал, что папа и мама работали вместе. Их могли вызвать на работу, или (как говорила бабушка, которая и воспитывала меня), на службу и в два часа ночи, и с первыми лучами солнца. Однажды мне довелось увидеть, как к родителям пришёл человек в военной форме, вручил какой-то конверт и сразу же удалился.

Мама и папа, быстро собравшись, поцеловав меня и дав наставления бабушке, ушли. Их тогда не было около месяца, а бабуля успокаивала меня разными отговорками, что такая у родителей служба.

Я твердил бабушке, что просто не нужен им, но где-то внутри, в сердце или в голове, осознавал, что папа и мама любят меня, и при редких встречах платил им тем же.

Но всё это я наблюдал по ходу жизни, а пока вновь вернусь в год одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмой.

...Первыми пришли Разбоевы – дядя Володя, тётя Света и их сынишка Слава (мой ровесник).

Я хоть и поспал несколько часов до прихода гостей, но был явно не выспавшимся и поэтому на гостинцы и тисканья друзей семьи реагировал холодно и старался где-нибудь спрятаться от них.

Славик был назойлив, говорлив и не давал ни малейшей возможности уединиться, что, разумеется, мне весьма не нравилось.

Мама заметила моё фырканье и, отозвав в сторонку, ласково сказала, предварительно поцеловав в лоб:

– Женечка, сыночек, ты у нас уже взрослый мальчик и поэтому я хочу обратиться к тебе как к мужчине...

Я весь превратился в слух, сделал очень серьёзное, как у взрослых, выражение лица и стал слушать приятный, мелодично-успокаивающий голос мамы, которым она продолжала:

– ...Сегодня большой праздник не только у нашей семьи, но и у всех, у всех людей НАШЕЙ ОГРОМНОЙ СТРАНЫ! (Как сейчас помню – моя мама с гордостью говорила про Родину). Сегодня нужно быть самым лучшим мальчиком на Земле. Быть весёлым, приветливым и с уважением относиться к гостям, которые будут отмечать этот праздник вместе с нами, сидя за одним столом.

Слава – мальчик хороший. Я бы очень хотела, чтобы вы подружились. Тем более, что ты с ним уже знаком – он и его родители отмечали у нас этот Новый год.

И, конечно же, я прислушался к словам мамы и был весёлым, приветливым и уважительным.

Самым последним (как и подобает начальству) пришёл мужчина маленького роста, полнотью лысый, в круглых очках, надетых на такое же круглое лицо. Без него никто не решался сесть за стол.

Сопровождала круглолицего его жена. Она была почти на целую голову выше и, наверное, вдвое толще своего кавалера. За глаза эту бездетную парочку называли – «Берия» с «Дюймовочкой». (Я много позже узнал, кто и кем был Берия в Советском Союзе и понял, что сходство с одним из самых влиятельных членов ЦК КПСС у приходящего в наш дом мужчины было обалденное).

Взрослые расселись за столом в большом отрезке комнаты, а нам (мне и Славику) сделали стол в маленьком, где с трудом вмещалась бабушкина кровать, старый комод и трёхскоростной проигрыватель «Рекорд», который в тот момент находился на территории старших.

Мы слегка перекусили и стали гонять по полу машинки. Как это обычно и бывает, увлечшись игрой, мы подружились и даже в туалет ходили вместе.

Ближе к концу вечера, когда взрослые, «накушавшись» водкой, горланили песни, перебивая пластинку и друг друга, мы благополучно загнали соседскую кошку Машку в тёмный угол нашей коммуналки.

Если брать из расчёта, что один кошачий год жизни равен семи человеческим, то вышло, что Машке далеко за семьдесят лет.

Так вот эта загнанная в угол старушка шипела, но Славику удалось её взять на руки.

Мой друг оказался прирождённым дрессировщиком и, прошептав на ухо кошке какие-то ласковые слова, закреплённые нежным поглаживанием, Машка успокоилась и даже замурлыкала на груди у Славика.

Мне, разумеется, тоже захотелось взять на руки пушистого зверя и я попросил друга:

– Славик, а дай теперь я подержу.

– Держи, Женя, только осторожно – она очень тяжёлая, – добродушно произнёс мой гость и стал передавать мне кошку.

Машка, почуяв другой запах, прекратила мурлыкать, прижала ушки к голове и стала шипеть.

Я хотел её погладить, но она ударила мою занесённую над ней руку своей когтистой лапой. На запястье образовались царапины, из которых моментально выступила кровь.

Я решил отомстить и ударить вредную кошку. Замахнулся на неё, но Славик вновь прижал питомицу к своей груди и отвернулся от меня, закрывая божью тварь спиной.

Увидев пушистый хвост кошки, который свисал под правым локтем моего друга, я, не долго думая, схватил его ладонью, зажав в кулак.

Затем, демонстрируя свою обиду, перегнул хвост, да так сильно, что послышался хруст.

Кошка взвыла от боли и стала быстро карабкаться вверх, выпустив свои громадные когти.

Острые, как иглы, когти на крупных лапах впились в Славина лицо.

Но взобраться на голову моего друга кошка не могла, так как её хвост был попрежнему в моей руке. Чем сильнее Машка карабкалась вверх, тем сильнее я стаскивал её вниз, даже не задумываясь, что кошачьи когти разрывают детскую кожу.

Славик громко вскрикнул: «Ой!». И, резко оттолкнув от себя пушистую «мурлыку», закрыл ладонями лицо.

В момент Славина толчка, я отпустил хвост кошки.

Ударившись о стену, Машка с ужасающим воплем приземлилась на паркетный пол и стартанула в кухню, сбивая соседскую обувь, стоявшую в общем коридоре.

Я подошёл к другу.

Из-под его ладоней тонкими, быстрыми струйками стекала кровь, капая на светло-голубую, праздничную рубашку.

Славик не плакал, но постоянно произносил одну и ту же фразу:

– Глазки щиплет! Ой, как глазки щиплет! – и размазывал ладошками кровь по лицу.

Я вывел гостя на свет и не смог сдержать крик, увидев, как на его щеке, еле держась на коже, топорщится кусочек розового человеческого мяса, обильно покрытого кровью.

На моё гортанное «а-а-а!», которым, по всей видимости, я перекричал «поющих» взрослых, сбежались мои родители, родители Славика, бабушка, в общем, все, кто находился в квартире.

Кто-то из соседей «пулей» вылетел на улицу, чтобы из телефонной будки, стоявшей рядом с парадной, вызвать «Скорую».

Лишь по счастливой случайности Славик остался зрячим (спасли вовремя опустившиеся веки), но зато всё лицо покрывали мелкие шрамы – память о старушке Машке, которая тем же вечером была выброшена на улицу, хотя её вины в произошедшем не было.

Славик пролежал в больнице три недели.

Я со своей бабушкой ходил навещать его каждый день, принося в качестве подарка какую-нибудь безделицу.

Пострадавший держался бодро, как настоящий мужчина.

Я тогда думал, что именно такими были герои той страшной войны с фашистами, когда их ранили в бою.

О событиях тех лет мне часто рассказывала бабуля, зная о них не понаслышке.

Я был горд, что знаком с очень мужественным мальчиком, который, пережив воистину страшные минуты, был по-прежнему говорлив и весел.

Именно тогда, в больнице, зародилась наша дружба – результат детской шалости.

Моя бабушка была интеллигентным человеком и в совершенстве знала два иностранных языка – французский и немецкий.

Тамара Борисовна Лиховская (в замужестве Пересвистунова) родилась в январе 1905 года в семье крупного торговца Лиховского, поставлявшего к царскому двору заморские сладости. Она являлась пятой, последней дочерью уважаемого человека и была любимицей отца.

Бабушка в ту пору могла иметь всё, что захотела бы, но она, не желая походить на своих старших сестёр, отдавала предпочтение занятиям с преподавателями по точным наукам, языкам и хореографии, а не нарядам с игрушками.

В двенадцать лет, будучи совсем ребёнком, бабушка не просто говорила пофранцузски и немецки, а думала на этих языках. Она прекрасно знала астрономию и химию, а выполняемые ею балетные па были завистью старших сестёр.

Возможно бабушка бы стала какой-нибудь театральной знаменитостью, тем более, что она обладала красивой, незаурядной внешностью, но в октябре 1917 года произошла революция, и к власти пришли большевики.

Бабуле и ещё двум её сёстрам с большим трудом удалось вырваться из охваченного пожарами и беспорядками Петрограда. Их спасла служанка и укрыла в пригородном селе Мартышкино, откуда сама была родом. Все остальные бабушкины родственники были жестоко убиты.

Так из барышень моя бабушка превратилась в селянку. Но предметные занятия она не бросила и познавала сложности наук самостоятельно.

К величайшему сожалению, о хореографии речь больше не шла. Виной всему произошедшая во время бегства из отцовского дома травма колена – сильный ушиб о ступеньку лестницы в момент падения. В Мартышкино лекарь заключил, осмотрев её коленный сустав, что любые нагрузки на ногу могут привести к ампутации конечности. Таким образом, с танцами было покончено.

Впоследствии болезненная травма дала осложнение, в результате которого бабушка стала хромоть.

Когда бабуле исполнилось восемнадцать, на неё обратил внимание тридцатилетний красавец-чекист Пересвистунов, приехавший в Мартышкино по служебной надобности. Роман молодого мужчины и «сельской» девушки был скоротечным и принёс свои плоды – сыграна скромная свадьба.

Затем молодые переехали в комнату на Садовой, а чуть позже, в 1925 году, отмечено рождение первенца.

Сентябрь 1936 года подарил бабушке второго сына – моего отца.

Бабуля совмещала воспитание своих детей с обучением детишек в школе. К началу Великой Отечественной войны она зарекомендовала себя грамотным специалистом в области иностранных языков и замечательным педагогом.

Всю войну бабушка и мой юный отец провели в Ленинграде, переживя все ужасы и лишения тех лет.

В то время, когда бабуля продолжала обучать детей блокадного Ленинграда, помогала перевязывать раненых, тушить по ночам зажигательные бомбы и оберегать младшего ребёнка, её муж командовал на передовой, а старший сын был в рядах народного ополчения.

Старшие мужчины домой с войны не вернулись, и всю нерастраченную любовь бабушка отдала моему отцу. Она вырастила его прекрасным человеком и достойным гражданином огромной страны. Замуж вторично бабуля не вышла.

К моменту моего рождения, бабушка была на пенсии, но продолжала участвовать в жизни школы, которую покинула в должности директора и со званием «Заслуженный учитель СССР».

Бабушка Тамара стала для меня и Славика самым близким человеком на свете. Её жизненные истории мы могли слушать часами. Бабуля водила нас по музеям и театрам, и к семилетнему возрасту мы (я и Славик) могли без труда отличить балет от оперы, а творчество Шишкина от творений Куинджи.

Наша бабушка (как называли Тамару Борисовну я и Славик) мечтала видеть нас на сцене театра или, как минимум, в оркестровой яме со скрипкой в руках и поэтому водила нас к знаковым преподавателям музыки и танцев.

На наше счастье, ни я, ни Славик не обладали необходимым терпением и другими дарами, столь необходимыми для музицирования и вальсирования, и наши занятия заканчивались, не успев начаться.

Бабушкины знакомые учителя во время рассказа о нашем поведении неустанно принимали успокоительные таблетки, вгоняя бабулю в краску стыда.

Стойкая интеллигентная бабушка объясняла нам о недопустимости столь безобразного поведения, чуть не доведшего её давних подруг до нервного срыва. Но от своей мечты видеть нас в искусстве всё же отказалась, удовлетворив моё и Славино желание заниматься спортом.

Одновременно с началом учёбы в первом классе бабушкиной школы мы записались в секцию бокса при спортивном клубе армии (СКА). Мой папа и отец Славика были несказанно рады этому обстоятельству.

– Ну, Володя, наши пацаны будут достойной нам заменой. Сейчас физически окрепнут, в школе знаний нахватывают, и можно будет вводить в курс дела, – говорил мой папа отцу Славика.

– Да, Андрей, мы с женой рады такому выбору наших детей. Честно скажу, мне не льстила перспектива видеть Славика со скрипкой в руках или в обтягивающих колготках на сцене, – признавался дядя Володя.

Мне не было понятно, в какой курс дела нас хотят вводить в будущем, но одно я понимал точно, что наш выбор был сделан правильно. Бокс устраивал всех и, частично, даже бабулю.

В секции бокса мы, безусловно, выделялись.

Во-первых, мой рост и рост Славика был на несколько сантиметров выше самого крупного нашего ровесника.

Во-вторых, мы были хорошо сложены: широкие (в наших отцов) плечи, сильные руки и ноги.

В-третьих, Славино лицо, усыпанное мелкими шрамами, и моё врождённое красноречие делали нас явно взрослее. Мы внушали страх во всю самую младшую группу боксёров. Да и старшие воспитанники клуба проявляли к нам уважение и неподдельный интерес и, частенько, до начала своей тренировки приходили поглазеть на нас во время отработки простейших упражнений.

И вот спустя полгода регулярных занятий в спортивной секции (это был февраль 1970 года) наша бабушка пришла забрать нас домой после тренировки.

Шалость вторая

Я и Славик перешли Невский со стороны театра Комедии, держась руками за бабушку. Возле Гостиного двора мы сели на трамвай, чтобы проехать несколько остановок до площади Мира, а оттуда пешком дошли до Сенного рынка (бабушка хотела купить шерсти для вязки и посмотреть книги с рук).

На рынке творился бардак. Милиционеры и ДНДэшники освобождали город от криминального элемента – спекулянтов...

Я не хотел бы лезть в политические дебри тех лет, тем более, что осознание произошедшего в Советском Союзе ко мне пришло лет на пятнадцать позже описываемых событий, но с уверенностью могу заявить, что бандюг среди тех, кого ловили стражи закона, не было. И именно это подтвердила бабуля.

– Лучше бы воров да убийц ловили, а не этих несчастных, – очень тихо, с сожалением произнесла наша бабушка, глядя, как очередной «криминальный элемент» силой и руганью затаскивали народные дружинники в милицейскую машину, прозванную советскими гражданами «Козёл»

– Пойдёмте, мальчики, побыстрее отсюда, пока и нас за преступников не приняли, – сказала бабуля и потянула нас за руки, уводя от места драматических событий.

Несмотря на пожилой возраст и хромоту, бабушка любила пешие прогулки.

Иногда у меня возникало ощущение, что бабуля, гуляя по старинным улицам города Петра, вспоминает своё детство и каждого, кто жил в том или ином доме, мимо которого она проходила. В те мгновения она молодела. Её лицо сияло, а щёки румянились. Красивая улыбка затмевала собой все, ставшие мне привычными морщины. В её глазах появлялись слёзы радости и счастья, которые бабушка украдкой (будто бы это не слёзы, а просто соринка в глаз попала) смахивала кружевным платком, который она всегда носила в дамской сумочке. Бабуля была в восторге от воспоминаний.

Зима была с оттепелями, и поэтому на крышах домов и на водосточных трубах висели огромные сосульки.

Мы уже почти дошли до пожарной каланчи, оставив позади Юсуповский сад, когда мне в голову пришла идея подурачиться.

Я отпустил бабушкину руку (ведь шли по тротуару) и, крикнув: «Славик догоняй!» – побежал.

Слава не торопился, явно давая мне фору (бегал он быстрее меня). Но вскоре я услышал его бег и, не сбавляя скорость, обернулся, чтобы посмотреть на сколько быстро мой друг сокращает расстояние. В этот момент я поскользнулся и упал, продолжая движение на брюхе.

Остановила меня водосточная труба.

Хотя я врезался в неё левым плечом, из глаз «посыпались искры». Столкновение было столь сильным, что боль с плеча резко расплзлась по всему телу. А водосточная труба, словно пудинг, начала колыхаться снизу вверх.

Бабуля первая увидела срывающийся ледяной нарост в виде огромной острой школьной указки. Она, что было сил, крикнула: «Женя!». И, увидев как сосулька воткнулась в мою спину, потеряла сознание.

Я, невзирая на боль в спине, отполз от опасного места. Тут же около меня оказался побледневший друг.

Славика била нервная дрожь, но он сумел спросить:

– Женька, ты жив?

– Да всё хорошо, старик. Вот только спине больно. Что это было? – подал голос я.

– Это была острая льдина. Если бы не твой рюкзак со спортивными вещами, то был бы каюк, – сделал предположение Слава и помог мне подняться.

Я скинул брезентовый рюкзачок с плеч и стал разглядывать глубокое отверстие с торчащим из него обломленным куском сосульки.

Слава расстегнул ремешок верхнего клапана походной сумки и засунул руку внутрь. Обломок льдины из-за Славиного копошения в недрах рюкзака стал подавать «признаки жизни».

– Да, Женька, почти насквозь пробила. Если бы не кед – каюк! – повторил предположение о неминуемой гибели мой друг и достал на свет спасительный спортивный тапок завода «Красный треугольник», держа его за шнурок.

Метрах в десяти от нас были отчётливо слышны взволнованные голоса небезразличных граждан, склонивших свои головы над тёмным предметом, лежащим на асфальте тротуара.

– Бабушка! – вспомнив, что кого-то не хватает, крикнул я и бросился к толпе. Славик последовал за мной.

– Разойдитесь, разойдитесь, – кричали мы и локтями распихивали сочувствующих.

– Бабушка! Бабушка! – кричал я, дёргая её за воротник пальто.

– Мальчик, не тормози бабулю – ей спокойствие надо, – произнёс грубый мужской голос и поднял меня с колен.

– Дяденька, а что с ней? – сквозь слёзы спрашивал я поднявшего меня мужчину.

– Наверное, сердечко прихватило. Ты сам-то как? – ответил он и справился обо мне.

– Да он нормально, – заверил дяденьку Слава и в продолжение спросил:

– А что с нашей бабушкой будет?

– Сейчас «скорая» подъедет и врачи определят, – пояснила рядом стоящая женщина средних лет.

«Скорая помощь» подъехала как раз в тот момент, когда бабушка открыла глаза и увидела плачущего меня. Она с трудом приподнялась с асфальта и, взяв меня за руку, притянула к себе.

Я аккуратно обнял её за плечи и услышал в своём ухе негромкие слова, произнесённые бабушкой со всей нежностью, любовью и заботой: – Женечка, родненький мой, ты так меня напугал.

В больнице врачи определили диагноз и положили нашу бабулю в палату, предварительно напичкав её лекарственными препаратами.

Из медицинского учреждения нас забирали Славины родители, которым позвонила медицинская сестра по номеру телефона, сообщённого моим другом.

До выписки бабушки Тамары я жил у Славы дома, потому что мои родители снова были в отъезде.

Так, в результате моей шалости у бабушки случился первый инфаркт.

Школьные предметы мне давались легко. Легче, чем Славику. Мой друг только благодаря своему упорству и целеустремлённости учился с тройки на четвёрку, но в боксе тянул нас двоих.

На ринг нас ещё не выпускали, а вот спарринги в зале уже проводились. Моим постоянным партнёром был Славик. Только благодаря его подсказкам я грамотно выполнял все указания тренера. Сам же Слава был спортсменом, что называется от Бога. Тренер это видел, всё чаще и чаще ставя его в пример другим воспитанникам.

У меня складывалось впечатление, что мой друг сделан из железа. Как сильно бы я не попадал по нему, он всегда держал удар и не показывал вида, что ему больно.

Я никогда не видел его плачущим, и даже в тот трагический день Слава держал свои эмоции глубоко в себе.

Мы заканчивали второй класс. До летних каникул оставались считанные дни, и поэтому все наши (мои и Славика) взоры были устремлены в сторону спортивного лагеря, в который приглашались лучшие воспитанники СКА разных возрастов.

Мысль о том, что мы являемся лучшими в нашей группе, дарила радость, а майские солнечные лучи эту радость подогревали.

Мы с восторгом строили планы на лето и уже отчётливо видели, как песчаный берег Финского залива в местечке под названием Шапки открывает нам завесу тайн бокса.

Но поездка, увы, не состоялась.

У Славика не было ни бабушки, ни дедушки (погибли во время войны), а его родители (впрочем, как и мои) были постоянно в разъездах. Поэтому мой друг жил у нас, что устраивало всех.

Мои родители три дня назад вернулись из командировки, и вся их любовь обрушилась на нас, как горная лавина.

Когда три звонка расползлись по коммунальной квартире, оповещая всех жильцов, что к Пересвистуновым пришли, мы (я и Слава), под остроумные истории моих родителей складывали спортивные вещи в сумки-рюкзаки, готовясь к очередной тренировке по боксу.

Бабуля пошла открывать входную дверь.

В комнату вошёл «Берия» и поздоровался со всеми за руку.

Я обратил внимание, как начальник наших родителей смотрел на Славика во время их затянувшегося рукопожатия. Я отчётливо видел в его взгляде грусть и сострадание, которые «Берия» хотел выразить словами, но не мог. Он жестом попросил моих маму и папу следовать за ним, и родители тут же вышли из комнаты. – Ну вот! Не успели приехать домой, а этот «Берия» опять твоих предков кудато тянет, – недовольно произнёс Слава.

– И не говори, Славян! – поддержал я друга, но уже догадывался, что дело в другом и касается оно непосредственно Славы.

Я бы многое отдал, чтобы в тот момент оказаться неправым. Но...

В районе Автово, где мрачно зависли чёрные тучи над «красненьким» кладбищем, я навзрыд ревел, когда тела дяди Володи и тёти Светы в закрытых гробах опускали в могилы. Славик стоял рядом и обнимал меня левой рукой за плечи. Он скупно произносил: «Не реви!». Его глаза были сухими. И лишь нервно дёргающееся левое веко говорило о его сильнейших душевных переживаниях.

Я знал, как Славик любил и ценил своих родителей, и поэтому мог себе представить всю боль его утраты. От этого представления по моим щекам бурными потоками стекали слёзы, ещё больше увлажняя сырой ленинградский воздух.

Во время поминальных речей в столовой машиностроительного техникума стало понятно, что родители Славика погибли в автомобильной аварии. Но было неясно, является ли это правдой, так как ни дядя Володя, ни тётя Света (из их рассказов) машину никогда не водили, да и не умели этого делать, а кроме них в авто никого не было. Короче говоря, сомнений было много, но их никто не озвучивал.

Вскоре после похорон, моя бабушка оформила необходимые документы для опеки над Славиком, оставив ему фамилию его родителей. Мой друг стал мне приёмным братом.

Мне казалось, что Славик как-то сразу повзрослел.

В его речах, ставших скупыми, слышалась рассудительность, а в действиях ощущалась практичность.

Он целиком и полностью уходил в спорт и после тренировок колотил боксёрскую грушу часами, будто именно она была виновата в гибели родителей.

Мне было ясно, что Славик определил себе цель в жизни – стать отличным спортсменом и безупречным членом нашего общества, чтобы его родители гордились бы им, наблюдая сверху.

И он всё делал, чтобы достичь своей цели.

Аккуратность и трудолюбие моего друга-брата заставляла учителей в школе ставить ему отметки на балл, а то и на два выше во время оценки его реальных знаний. Славик догадывался об этом и, злясь на свою тупость (как он сам о себе говорил), просил меня разъяснить ему тот или иной урок.

В общем, мы были разными, но дополняли друг друга, делаясь одним целым.

Мы всё вершили сообща.

Если от нас требовалось быть сосредоточенными, сдержанными, трудолюбивыми и умными, то мы были таковыми. А если мы дурачились, то дурачились вместе и несли за свои проделки ответственность в равных долях.

Шалость третья

Мной и Славой была благополучно завершена начальная школа, и мы перешли учиться в корпус для старшекласников.

Контингент в классе слегка изменился – кого-то родители перевели в другое учебное заведение, а кто-то добавился из-за переезда на новое место жительства.

Повзрослев за лето и нахватавшись в спортивном лагере от старших боксёров различных пошловатых шуточек, мы со Славой стали объектом пристального внимания со стороны девочек нашего 4 «а» класса и других веснушчатокосичистых особ, обучающихся в школе.

Шёл декабрь 1972 года. До новогодних каникул оставалась неделя. Настроение было предпраздничное.

На перемене, как обычно, возле нас собралась приличная группа симпатичных девочек, для которых трёп со мной и Славой был интереснее, чем повторение домашнего задания перед уроком. Я, как всегда, рассказывал что-то весёлое, а Славик показывал пантомиму на мои слова. Получалось что-то вроде спектакля.

Но, как это часто бывает, не все были в восторге от нашего дуэта. Кому-то со своей популярностью мы являлись болезненной костью в горле.

И хотя я и Славка были яркими активистами, учились хорошо, а наши фотографии красовались на школьной доске Почёта (заняли призовые места на городских соревнованиях по боксу среди младших воспитанников), но для старосты класса Надежды Переверзевой мы олицетворяли «исчадие ада».

Надина нелюбовь к нашим персонам возникла с первых дней её появления в новом классе.

Было видно, что девочка в прежней школе занимала лидирующее положение по всем дисциплинам, а мы являлись для неё конкурентами. Нас ставили в пример всем ученикам и прощали мелкие шалости в виде подкладывания кнопок одноклассникам и нечто подобное.

Надя ещё в сентябре на первом собрании учеников класса учинила словесную расправу над неуспевающими и хулиганами. Под хулиганами, естественно, подразумевались мы – я и Слава.

Надиной ораторской речи на том собрании мог позавидовать любой член ЦК КПСС. Именно этот фактор стал основным в выборе старосты класса. Классный руководитель ей категорически запретила впредь замечать и уж тем более записывать наши шалости.

Надя приняла наставление классной дамы, но никогда не могла пройти мимо, не сделав какое-нибудь замечание или же не высказав своего мнения о нас.

Особенно ей нравилось блистать своим красноречием при большом скоплении народа, как это было в тот день.

– А, «Соловьи-Разбойники».., – (наши фамилии Пересвистунов и Разбоев в совокупности с детскими проказами ещё в первом классе определили моё и Славика прозвище – «Соловьи-Разбойники», но мы никогда на него не обижались), – ...мне очень хочется верить, что вы в данный момент репетируете новогоднюю сценку, а не просто паясничаете, – с ядовитой улыбкой произнесла Надя и, поправив узел пионерского галстука, будто он куда-то сдвинулся, направилась к кабинету географии, высоко задрав голову.

– Тоже мне нашла паяцев! Сама-то как-то по-шутовски пошла – нос задрала, ручки на половину в локтях согнула и бедрышками своими худощавыми крутьверть, влево-вправо, – с издёвкой парировал я Надины слова и стал демонстрировать её походку.

Мои комические действия были оценены звонким, разноголосым девичьим смехом и аплодисментами, которые, наверняка, слышала Переверзева, но никак на них не отреагировала, вероятно, посчитав, что это ниже её достоинства. Раздался звонок на урок, и мы разошлись по классам.

Географию в школе преподавал довольно грузный, но одновременно добродушный учитель. Про таких говорят: «Хорошего человека должно быть много» или «Даже муху не обидит».

Его рассказы о дальних странах были очень интересны и слушались в полной тишине. Если бы не одышка, которая частенько его мучила, не давая возможности проводить урок, то, наверное, он не попросил бы старосту класса о помощи.

– Наденька, будь добра, расскажи, пожалуйста, своим одноклассникам всё, что тебе известно про Африканский континент, используя во время рассказа географический атлас и глобус, – тяжело дыша и делая большие паузы между словами, попросил географ.

– Конечно, конечно, Владислав Кузьмич, – тут же откликнулась Переверзева и, завидя, как преподавателю становится хуже, спросила:

– Вы простите меня, но может быть вам школьную медсестру позвать?

– Спасибо за беспокойство, не нужно. Ты выходи к доске, а у меня всё само пройдёт, – ответил Владислав Кузьмич и протёр влажное покрасневшее полное лицо носовым платком.

Надя вышла к доске, взяла указку и стала рассказывать.

Я давно начал замечать, что Переверзева при первой же возможности старалась понаблюдать за мной. Но в её пристальном взгляде не было неприязни и злобы. Как только наши взоры встречались, то Надя сразу же опускала глаза в пол и краснела.

Тогда я, разумеется, думал, что таким образом староста класса контролирует мои действия во время урока, а покраснение на лице возникало из-за понимания, что её умысел раскрыт. Ни какой возможной влюблённости со стороны девочки я и не замечал. Поэтому в свой ответный взор я пытался вложить всю ненависть, испытываемую к этой особе.

Хотя, не скрою, внешне она мне очень нравилась, и, если бы не её отвратительновысокомерный характер, то, быть может, я бы попросил у Нади разрешения поносить её портфель из школы до дома после уроков.

Надя Переверзева, как сейчас это принято говорить, являла собой тип женщины – стервы. Её стройная, ухоженная фигурка мило сочеталась с красивым лицом. Аккуратные уши, небольшой забавный рот и длинные, чуть ниже лопаток непослушные тёмно-русые волосы как-то не очень гармонировали со строгими огромно-серыми глазами и коротким заострённым носом. Вообще, именно глаза и нос определяли в ней стерву.

Складывалось впечатление, что Надя даже изнутри чистая и светлая, потому что снаружи к её безупречному внешнему виду не придерёшься.

Всегда идеально белый воротничок на школьном платье. Безупречно отглаженный фартук. Детские девчачьи колготки, которые и мальчикам приходилось надевать под штаны по приказу родителей и под реки слёз, у Нади были только чисто белого цвета и никогда не выглядели поношенными.

Если бы в то время наше государство не строило бы коммунизм, при котором все граждане большой страны были равны друг перед другом, то я бы с уверенностью сказал, что у Нади Переверзевой в доме прислуга, потому что так классно выглядеть в то время было невозможно. Но она выглядела!

Парта старосты располагалась перед нашей.

Надя в тот день сидела одна (соседка по парте заболела), а я, как обычно, со Славиком. Мы, конечно же, могли подложить девочке кнопки на лавку или подвесить на спину бумажку с безобидной надписью: «Зазнайка», что и делали частенько. Но сегодня за её реплику на перемене я решил Наде сделать куда больнее.

– Славян, возьми простой карандаш и заточи его точилкой до очень острого состояния, – шепотом попросил я друга-брата.

– Зачем, Женька? У меня и так он острый, – еле слышно отозвался Слава, доставая карандаш из пенала.

– Надо старосте под пятую точку острière подставить, чтобы она себе лишнего при разговоре с нами не позволяла, – пояснил я.

– Так давай ей кнопок подложим, – предлагал Славка.

– Да не, дружбан, об её мосолығы только кнопки попортим, а толку не будет. Здесь надо, что посерьёзнее, – высказался я и глазами указал на карандаш, зажатый в руке друга.

– Ладно, Женька. Ты её тогда отвлеку, а я подставляю, – согласился Слава.

– Договорились, Славян! – сказал я и стал продумывать, как бы отвлечь Переверзеву.

После выступления перед классом возле доски Надя шла на своё место.

Она уже развернулась к нам спиной и завела правую ногу в свободное пространство между лавкой и письменным столом, оставив левую ногу в широком межпарточном проходе, когда я довольно громко произнёс:

– Переверзева, у тебя ремешок расстегнулся! Смотри, а то обувка слетит и ты запачкаешь свои белые колготы.

Большинство учеников в классе посмотрели в нашу сторону и захихикали, уловив в моих словах какой-то подвох.

– Спасибо, Женя, – поблагодарила меня девочка и слегка согнулась в талии, чтобы удобнее было разглядывать обувь под партой.

Именно в этот момент я и дёрнул Надю за длинные волосы, а Славян подставил карандаш под её попу.

Будучи резко одёрнутой, Надя не устояла на ногах и всем своим, хоть и небольшим весом плюхнулась на лавку, где её подждал острый грифель простого карандаша.

Дальше послышался звук рвущейся ткани, и карандаш полностью скрылся под платьем девочки. Вскоре Надя буквально повалилась на парту. Слава едва успел выдернуть из-под нее руку. Он сильно удивился, увидев в своём кулаке ровно на половину сломанный карандаш.

Девочка громко вскрикнула: «О-ой!». Через левое плечо посмотрела в мои испуганные глаза (её взгляд был ужасен) и от обжигающе-острой боли между детских ножек потеряла сознание, упав лицом на парту.

В классе на мгновение воцарилась мертвая тишина, что было слышно монотонное жужжание ламп дневного света.

Через пару секунд, потребовавшихся на осмысление произошедшего, я выбежал из-за своей парты и, приблизившись к Наде, стал трясти девочку за плечи.

Сотрясая бесчувственное тело, я произносил:

– Надя, ты чего? Надя, очнись! Надя, ну скажи хоть что-нибудь! Не пугай нас, Надюшка! Мы не хотели! – в моих словах отчётливо слышался страх, а глаза стали наполняться слезами.

Сквозь сумбурность мыслей я понял, что девочка не шутит и, быстро взяв её на руки, понёс в медицинскую часть школы, оставив одноклассников в оцепенении.

Увидев бурое, кровавое пятно, размазанное по Надиной половине лавки, Слава вышел из ступора и, откинув в сторону сломанный карандаш, на который смотрел всё это время в недоумении, побежал помогать мне открывать двери.

В медкабинете по приказу доктора, я уложил Переверзеву на кушетку и, перевернув на правый бок, согнул ей ноги в коленях.

Пока школьный врач разговаривала по телефону с диспетчером «Скорой помощи», я смотрел на Надю.

Я увидел, что колготки девочки порваны и залиты кровью от паховой промежности до коленного сгиба ног. Это обстоятельство напугало меня ещё больше, и слёзы хлынули из глаз.

– Выйди, выйди отсюда быстрее! Мне ещё твоих слёз здесь не хватало, – положив телефонную трубку на рычаг аппарата, крикнула медицинский работник и стала набирать какой-то прозрачный раствор из стеклянной ампулы в шприц. Я без пререкания вышел.

– Ну, что там, Женя? – с волнением в голосе спросил Слава.

– Там всё плохо, – сквозь слёзы проговорил я и уткнулся мокрым лицом в плечо друга. Всё оказалось даже хуже, чем плохо!

Врачи в больнице боролись за Надину жизнь несколько часов. И хотя эскулапы выиграли этот бой, но девочка осталась инвалидом.

На протяжении двух месяцев мы приходили к Наде сначала в больницу, а после выписки к ней домой, чтобы извиниться, но нам ни разу не позволили повидаться.

Затем Надины родители приняли решение о переезде в другой город, и дальнейшая судьба пострадавшей девочки осталась нам неизвестной.

Вот такой ужасный подарок преподнесли я и Слава к Новому, 1973 году, старосте 4 «а» класса Надежде Переверзевой.

Но и она оставила о себе память, в виде вечного понимания вины и того ужасного, ненавистно-испепеляющего взгляда, которым наградила меня Надя перед тем, как потеряла сознание. Этот взгляд будет храниться в моей голове до последних секунд жизни. А в момент смерти, как мне кажется, именно он будет последним, что увижу я.

Единственное, что хоть как-то утешало – Надя осталась жива.

Но можно ли назвать жизнью существование женщины, не способной родить дитя? Можно ли найти оправдание той детской шалости, приведшей к таким последствиям? Наверное, нет!

Вот я и Слава тоже не смогли себя оправдать. Оправдать и простить!

Помимо неоднократного детального рассказа о произошедшем разным комиссиям, которые, назвав нашу выходку несчастным случаем, всё-таки приняли решение не придавать огласке случившееся, я и Слава самобичевали себя ещё долгое время, что отразилось на здоровье и психике.

Мой друг-брат изматывал свой организм спортивными нагрузками, которые стали приводить к неприятным покалываниям в области сердца.

Я регулярно посещал тренировки, но мои мысли были не о боксе, а о Наде.

В своих мыслях я писал детские стишки и посвящал их пострадавшей девочке. Это обстоятельство, безусловно, сказалось на качестве производимых ударов.

Тренер был в гневе, видя, как я сдал назад за последнее время.

Недовольство наставника меня бесило и, если бы не Славка, я покинул бы СКА, вдрызг разругавшись с преподавателем по боксу, вложившим в меня столько сил.

Вообще, в тот период жизни меня выводило из себя многое – нерифмующиеся слова в моих стихах, тройка в школе, пере- или недосолёная пища, гороховый суп, и многое-многое другое (наверное, переходный возраст начинался).

Но больше всего меня бесили пьяницы!

Шалость четвертая

Я, бабушка и Славик возвращались с покупками из магазина домой.

Полным ходом шла подготовка к новому учебному сезону, а мы (я и Славик), выросшие за лето в спортивном лагере на несколько сантиметров, экстренно нуждались в обновках. Поэтому бабуля устроила нам (выражусь новомодным словом) шоппинг.

Наша троица подходила к родной парадной, в которой почему-то постоянно пахло мочой. Вдруг возле входа в вино-водочный магазин, расположенного через дорогу от нашего дома, как раз напротив окон нашей коммунальной квартиры, раздался пьяный мужской голос, заставивший всех нас обернуться.

– Ах, ты грязная патаскуха! И ты мне утверждаешь, что между вами ничего не было! Ах, ты ...лядь такая!

Я и Славик прыснули смехом, услышав неприличные выражения, но, перехватив суровый бабушкин взгляд, смех прекратили.

– Вот, ребятки мои милые, во что превращается человек, начавший злоупотреблять спиртным, – сказала бабушка и, указав рукой на давно небритого, грязного мужчину, который сквернословил в адрес рядом идущей женщины с растрёпанными сальными волосами и заплывшим левым глазом от удара кулаком.

– Я очень надеюсь, что в ваши светлые головы никогда не придёт мысль так пить спиртное.

– Бабушка, могла бы об этом не говорить, ведь мы – спортсмены! – уверенно высказался Слава и, выкинув левую свободную руку вперёд, продемонстрировал хорошо поставленный джеб (прямой удар).

– Да, да, бабуля, совсем пить не будем! – заверил я нашу бабушку и тоже разрубил уличный воздух свободной рукой, согнутой для бокового удара.

– Я верю, верю вам, мальчики! Но совсем не пить – это тоже как-то не по-людски. В праздники, как это делают ваши родители.., – бабушка Тамара осеклась, вероятно, поняв, что ляпнула не то про общих родителей, но увидев, что её слова остались незамеченными, продолжила:

– В праздники можно. По паре рюмочек даже нужно! Спиртное снимает нервозность и улучшает кровообращение. Главное – не злоупотреблять, а в меру всё можно.

– Я думаю, бабушка, наш тренер с тобой на эту тему поспорил бы, – произнёс Славка и первым проник в полумрак парадной.

– Вот так, бабуля. А ты говоришь! – сказал я и улыбнулся, демонстрируя красивые ямочки на щёках.

– Пойдём, мой хороший! – улыбаясь, произнесла бабушка и, поцеловав меня в темечко, вошла в открытую дверь.

Я зачем-то обернулся и ещё раз посмотрел на пьянчуг.

Мужчина всё матерился, но только делал это намного тише, жестикулируя руками.

Его образ остался в моей памяти, и я, зло сплюнув на асфальт, пошёл догонять своих.

Тридцатого августа приехали мама и папа. Наша радость не знала границ, ведь мы не видели родителей без малого полгода. Их чемоданы ломились от подарков, и это усиливало наше праздничное настроение.

Последний день каникул мы провели вчетвером в ЦПКиО (Центральный парк культуры и отдыха), кормя ручных белок и катаясь на лодках по пруду. Бабушку Тамару оставили дома готовить нам праздничный стол по случаю приезда родителей и предстоящего начала учёбы в пятом классе. Кушанья удались на славу.

Первого сентября, как и в предыдущие годы, накрапывал мелкий дождь и поэтому школьную линейку с улицы перенесли в актовЫй зал.

Под выступление директора школы и какого-то ответственного работника из ЦК ВЛКСМ, я любовался своими родителями.

Как сейчас помню их красивые, счастливые лица, на которых отчётливо читалась гордость за своих детей и детей всей Страны.

В тот момент я был признателен папе и маме, что являюсь их сыном, что имен но Я – ИХ сын!

Хотя мамы и папы часто не было дома, но для меня родители были самым большим авторитетом на свете, даже (честно признаюсь) большим, чем компартия.

После урока Мира и вступительной речи классного руководителя мы были отпущены по домам.

Дождик прекратился, и выглянуло яркое, тёплое солнце. Возле парадной лестницы школы, внизу, нас ждали родители.

Не заходя домой, мы вчетвером отправились гулять по Летнему саду, где под задумчивые и порой суровые взгляды статуй играли в догонялки, оббегая мелкие лужи, и купались в жёлто-оранжевом море влажноватой опавшей листвы. Это было здорово!

Семейный ужин был завершён, мы со Славой, собрав портфели на утро, готовились ко сну в нашем отсеке комнаты.

Моё внимание привлёк звук, доносящийся с улицы. Казалось, что прямо под окнами жалобно плачет ребёнок.

Я встал на табуретку и выглянул в открытую форточку. Увиденное мне не понравилось.

– Славян, будь другом, подай мне, пожалуйста, вон тот сломанный танчик, – попросил я Славу и указал рукой на игрушку, одиноко стоявшую на книжной полке.

– Держи, Женька, – через несколько секунд отозвался друг-брат и протянул мне макет боевой машины.

– Я думаю, она нам не нужна?! – наверное, больше утвердительно, чем вопросительно произнёс я и прицельно бросил танчик в форточку.

– Ага! Получил?! Больно тебе? Вот и щенку было больно! – кричал я в окно, видя, как сломанный танк достиг своей цели, попав живодёру чуть выше коленного сустава левой ноги.

Мужчина, скрючившись от боли, массировал травмированную ногу и исподлобья всматривался в окна дома, откуда прилетел неожиданный «подарочек».

Увидев меня, он выпрямился и, выставив правый кулак в мою сторону, крикнул:

– Ну, сопляк, я тебя запомнил! Ты попадётся мне, и тогда я тебе башку оторву!

– Женя, что происходит? – спросил Слава.

– Ой, как страшно! – напоследок крикнул я и, спрыгнув с табуретки, ответил Славику:

– Да, ты представляешь, тот пьянчуга, который на днях на пьяную побитую женщину орал, сейчас маленького щеночка на верёвке тянул. Верёвка прямо за шею была привязана, а щенок идти не хотел и упирался всеми лапками. А этот, сadyга, его волоком тащил.

Я, вообще, сначала подумал, что ребёнок плачет, а когда выглянул, понял, что собачонка скулит. Вот и кинул в этого гада танчиком, да прямо в ногу и попал.

– А если бы ты ему в голову попал? Ты понимаешь, что пробил бы черепок сразу, ведь танчик железный и достаточно тяжёлый, – нравоучительствовал Слава.

– Ну, во-первых, в голову я ему не попал.

А, во-вторых, он сам виноват. В следующий раз не будет зверюшек мучить. Как по ноге получил, так сразу верёвку выпустил, и щеночек от него сбежал. Вот так-то!

– Нет, Женя, так нельзя! Не гоже сравнивать человека с животным, каким бы этот человек не был. Ты запросто мог убить дядьку и своей выходкой всем причинить несчастье.

А собачонку, конечно, жалко, но она всего лишь собачонка, – продолжал Слава гнуть свою правду, а затем предложил:

– Подумай, Жека, над моими словами. Ладно?!

– Хорошо, Славик. Я подумаю. Но животным тоже нельзя больно делать. Я это хорошо запомнил, когда Машке хвост чуть не сломал. Надеюсь, ты помнишь, чьи лапы на твоём лице?

– Конечно, помню! – произнёс Слава и улыбнулся.

– Мальчики, давайте спать. Спокойной ночи! – сказала бабушка, подошла к нам и, поцеловав в щёчки, удалилась.

Затем зашли родители, они пожелали спокойной ночи, а, уходя, погасили свет.

Я и Славик быстренько разделись и, забравшись под одеяло, сразу уснули, не подозревая, что нас ждёт завтра.

– Бабуля, доброе утро! А где мама с папой? – потягиваясь после сна, спросил я у бабушки, поздоровавшись с ней.

– Доброе утро, Женечка! Родители уехали на работу, – ответила бабушка и поинтересовалась:

– Славик встал?

– Да встал я, встал. Зарядку делаю, – раздался голос Славы.

– Вот и замечательно. А я вам блинчиков напекла. Умывайтесь и прошу к столу, – сказала бабуля и стала разливать чай в стаканы, которые были спрятаны в мельхиоровые подставки.

Уроки в школе пролетели быстро, и мы (я и Слава) довольные возвращались домой.

– Мальчики, извините! – догнав нас, произнесла девочка из параллельного класса и, слегка смутившись, спросила:

– Слава, тебя можно на минуточку?

– Наверное, – неуверенно ответил Славик и, пожав плечами, покраснел.

Я улыбнулся и отошёл.

– Женя, не жди меня. Иди домой, я скоро, – крикнул мне Слава после нескольких слов, произнесённых девочкой.

– Смотри на тренировку не опоздай, Ромео! – отозвался я и, вновь улыбнувшись, отправился к дому, размахивая портфелем.

Я переходил дорогу напротив своей парадной, когда за спиной, метрах в пяти, раздался грубый оклик:

– Э, пионер!

Перейдя проезжую часть, я остановился на тротуаре и обернулся. На меня, прихрамывая, надвигался вчерашний собачий мучитель. Его злое выражение лица не предвещало ничего хорошего, но страшно не было.

– Ну что, шалунишка, как мне с тобой быть? – зло спросил подвыпивший мужчина, одаривая меня тошнотворным запахом изо рта.

Я воздержался от ответа и, отвернувшись от алкаша, сделал шаг в сторону настежь открытой двери парадной, в которой проживал.

– Ты что, щенок, глухой? Я же с тобой разговариваю! – взорвался криком мужик и, больно схватив меня за правое плечо, развернул лицом к себе.

– Я тебя спрашиваю, ты что опух? – не унимался пьяница, задавая вопросы, смысл которых я не понимал.

– Сегодня, гадёныш, ты не такой говорливый, каким был вчера, – констатировал дядька и, взяв меня левой рукой за горло, стал сжимать кисть, произнося при этом:

– Я говорил тебе, что башку оторву?! Так вот, не обижайся! – и ещё сильнее сдавил горло.

Мне стало очень трудно дышать. Лицо «загорелось», словно его облили бензином и подожгли.

«Пожар» распространялся по всему телу, вызывая ужасную панику. В глазах потемнело, и из них полились слёзы, будто желая сбить «полыхавшее пламя».

Я начал терять сознание, когда невидимая сила тяжёлым ударом обрушилась на голову моего мучителя, сбивая его с ног. Следом за телом алкаша, я повалился на асфальт и стал жадно хватать губами воздух, словно желая заполнить им каждую клеточку своего детского организма.

Ко мне возвращалось восприятие пространства, и я услышал такой знакомый, но ужасно взволнованный голос любимого человека – моего отца: – Женечка, родной, ты как? Идти сможешь?

Сквозь слёзную пелену я с трудом различал лицо папы, но, кивнув головой, стал подниматься на ватные, непослушные ноги.

Отец помог встать и, обняв, прижал мою голову к своей груди, ласково поглаживая волосы ладонью правой руки. Сразу стало как-то спокойно и очень уютно.

Я хотел что-то сказать, но какой-то огромный комок, будто застрявший в горле, не давал мне этого сделать. Тогда я, что было сил, обнял папку и тихонько заплакал, оставляя мокрое пятно на зелёной форменной рубашке военного образца.

Через образовавшуюся щель под левой рукой отца я увидел за его спиной чёрную «Чайку» с работающим двигателем и открытой дверцей водителя.

Я не мог понять, что делает здесь машина правительственного уровня и куда делся водитель.

Посчитав, что мне привиделось, я отпустил папу и, отстранившись от него на расстояние вытянутых рук, стал вытирать мокрые от слёз глаза.

Картинка обрела чёткость.

Передо мной стоял папа в красивой военной форме (я такой формы никогда раньше не видел), но без каких-либо знаков различия. Его китель был расстёгнут. За ним, приятно урча, стояла чёрная «Чайка».

«Значит, не привиделось. Значит, точно не мираж», – подумал я, и в этот момент услышал пугающий вопль Славика, бежавшего к нам с другой стороны улицы:

– Дядя Андрей, осторожно! У него нож!

Отец обернулся на крик, но среагировать на удар не успел. Стальное остриё кнопочного ножа ворвалось в тело аккурат под левой лопаткой. Острое лезвие, пробившее насквозь лёгкое и глубоко поцарапавшее сердце, было выдернуто на уличный свет рукой убийцы.

Папа уже был смертельно ранен и медленно опускался на тротуар, но окровавленная сталь ещё дважды вошла в него, окончательно лишая отца жизни.

Слава с разбега запрыгнул на спину душегуба и, держась за его шею левой рукой, правой стал наносить убийце удары в голову.

Силы явно были не равны, и мой друг-брат, будучи перекинутым через плечо, больно упал на асфальт.

Алкаш-убийца, зачем-то отбросив нож в сторону, пустился бежать, прихрамывая на левую ногу.

Я опустился на колени перед отцом и, словно загнанный в западню зверь, стал выть от безысходности, обхватив свою голову руками.

Я давил из себя слёзы, но их не было!

На земле стало пусто и отчего-то очень темно. Отчётливо слышался спокойный звук работы двигателя большого чёрного автомобиля, который почему-то был хорошо виден в этой страшной пустынной темноте.

Я очнулся в больничной палате, и возле своей койки увидел спящего на стуле Славу.

– Славик, Славик, – через боль в горле тихонько позвал я.

Мой друг-брат сразу же открыл глаза. Они были болезненно-красного цвета, вероятно, от переутомления.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Слава.

– Вроде, неплохо. Но говорить очень больно, словно внутри горла что-то застряло, – признался я.

– Это скоро пройдёт. Врачи сказали, что это лёгкий ушиб гортани, в результате которого возможно затруднительное дыхание и разговор. В общем, в точности, как у тебя, – разъяснил Славик и, опустив глаза в пол, сказал:

– Бабушка тоже в этой больнице. Она, когда узнала что произошло на улице, сильно разволновалась, и у неё случился второй инфаркт. Врачи говорят, что она выживет, потому что сердце очень сильное. Но волноваться ей больше нельзя.

– А папа, папка как? – возбуждённо спросил я, приподнимаясь на койке при помощи локтей.

– Папа умер, – тихо произнёс Славик и обнял меня за плечи.

Славины слова стали осмысленными, и мозг отдал команду на плач. Я обхватил руками друга-брата, согнувшегося надо мной, и пустил слезу.

Так, в результате очередной моей детской шалости, я похоронил отца, «наградил» бабулю вторым инфарктом и заставил маму возненавидеть меня.

Как я уже говорил, мне было мало что известно о родителях, но знаю точно, что отец был старше мамы на пять лет.

Они познакомились в шестидесятом году при каких-то странных обстоятельствах (не то папа в чём-то помог маме, не то наоборот). Глупо было бы, если бы они не влюбились друг в друга с первого взгляда.

Моя мама – красавица. Рост метр семьдесят пять. Стройная. Длинноногая. Как говорил отец о маме – формы аппетитные. Волосы чёрные. Глаза ярко-зелёного цвета, что аж слепят смотрящего в них. Образованная, с чувством юмора.

Батя тоже – ничего себе. Метр девяносто. Свыше ста килограммов веса, и при этом ни капли жирка – одни мышцы. В нём совместились внешняя красота моего деда с внутренней, душевной красотой и аристократическими чертами моей бабушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.